

Наркопотребление в России: неклассический подход

С.Н. СМЕРНОВ

В обсуждении проблемы незаконного потребления наркотиков в Российской Федерации доминирует так называемый алармистский подход, неизбежными атрибутами которого являются спекуляции — как либерального, так и консервативного характера. Отвлечение сил экспертов на малопродуктивную полемику препятствует своевременному распознаванию тех проблем, которые представляют существенно большую опасность для будущего страны. К таковым, в частности, относится быстрое формирование так называемой «пивной субкультуры», оказывающей существенное влияние на общественно-политическое здоровье социума, физическое здоровье его членов. Незаконный оборот и потребление наркотиков — проблема, с которой обществу предстоит жить и дальше. Важно создать своеобразную «наркотическую резервацию» в смысле минимизации воздействия данного явления на социум в целом.

Социально-экономический фон: субъективные оценки

Как-то так получилось, что каждый раз, готовя очередную статью для «Мира России», я поневоле отвлекаюсь от заявленной в ее заглавии предметной области и начинаю рассуждать о том, что вообще происходит со страной. Однако, как мне кажется, именно эти отвлечения, которые носят субъективный характер, позволяют лучше понять, почему ситуация в той или иной конкретной области развивается именно так, а не иначе.

В этот раз я хочу коснуться проблемы наркопотребления в Российской Федерации. Взяться за клавиатуру компьютера меня заставили два взаимосвязанных обстоятельства. Первое из них носило сугубо формальный характер — выполненное в 2007 г. по заказу Федеральной службы по контролю за незаконным оборотом наркотиков научное исследование, в ходе которого удалось получить интересные количественные результаты, характеризующие российские особенности феномена незаконного оборота и потребления наркотических веществ в стране¹. Второе обстоятельство оказалось вполне содержательным. Автор всегда подозревал, что проблема незаконного наркопотребления в России окружена многочисленными непрофессиональными спекуляциями, причем спекуляциями двоякого толка.

¹ В исследовании, помимо автора статьи, принимали участие к. т. н. В.С. Данилин, к. э. н. Н.И. Исаев и к. э. н. А.К. Капустин.

Во-первых, существует либеральный взгляд на проблему. Призывая российское общество к лояльному отношению к умеренному потреблению наркотиков, его сторонники, ссылаясь на опыт либеральных стран, предлагают легализовать употребление в Российской Федерации так называемых «легких» наркотиков. Приверженцы второго, консервативного, подхода, призывают сохранить существующую ситуацию и, возможно, расширить перечень наркосодержащих препаратов, затруднив доступ населения к ним.

Не буду высказывать свою позицию по этому поводу, поскольку моя задача иная: проанализировать ситуацию не по расплывчатым гуманитарным критериям, которые с трудом поддаются квантификации, а попытаться количественно описать отдельные аспекты незаконного оборота и потребления наркотиков в стране. Это, на мой взгляд, может дать дополнительную пищу для размышлений как либералам, так и консерваторам.

Что же касается того, какая из этих точек зрения победит в дальнейшем, то как либералы, так и консерваторы в последнее время добились определенных локальных успехов. Первые преподнесли подарок для всех водителей страны и тот же «подарок» для всех пешеходов. Речь идет о Федеральном законе № 210-ФЗ от 24 июля 2007 г. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». С 1 июля 2008 г. вступили в силу поправки к ст. 27.13 этого кодекса, впервые в практике современной России определившие на основе количественных критериев понятие «состояние опьянения» применительно к водителям автотранспортных средств. Такое состояние определяется как «наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови или 0,15 и более миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, наличие наркотических средств или психотропных веществ в организме человека, определяемое в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а равно совокупность нарушений физических или психических функций человека вследствие употребления вызывающих опьянение веществ».

С другой стороны, не дремали и консерваторы. Тем же федеральным законом были введены более строгие меры в отношении лиц, осуществляющих управление автотранспортными средствами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Иными словами, баланс интересов в этом случае был обеспечен.

Однако в ряде случаев со стороны консерваторов были допущены серьезные перегибы. Например, в начале 2008 г. возникли сложности безрецептурного приобретения населением таких популярных сердечно-сосудистых препаратов, как корвалол и валокордин. Проблема состояла в том, что эти средства содержат в своем составе фенобарбитал и эуфиллин, которые были включены в Список сильнодействующих веществ для целей ст. 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации соответствующим Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964, за незаконный оборот которых предусмотрена уголовная ответственность. Однако, как это часто бывает в России, горячее сердце исполнителей оказалась сильнее их холодной головы: легальная продажа легальных лекарств в аптеках безусловно не является их незаконным оборотом. Эксперты подсчитали, что для того, чтобы «попасть под статью», покупателю в ап-

теке необходимо приобрести 60 пузырьков корвалола и перепродать их в одни руки [Батенева 2008].

Здесь вообще можно было бы пуститься в пространные рассуждения о том, насколько власть, оперируя понятиями блага народа, действительно функционирует в его интересах. Однако буду краток, отметив, что история России XX–XXI вв. насыщена как раз обратными примерами. Рухнувший СССР, а вместе с ним и массивный лист «железного занавеса», показал реальный масштаб так называемых социальных достижений страны так называемого развитого социализма, которые оказались весьма и весьма убогими. Далее, в период буйного либерализма, о социальных проблемах вверенного российской власти народонаселения как-то не особо и вспоминали, надеясь, что они сами собой рассосутся. Отчасти так и произошло, но впоследствии – когда высоки цены на нефть, а в страну направляются значительные иностранные инвестиции, часть соответствующих доходов объективно доходит до граждан, повышая их реальные доходы.

Но вот страна вышла на новый виток своего исторического развития, где в системе управления явно доминируют административные ресурсы, и стала возрождаться прежняя риторика. А вместе с ней реанимировался прежний аппарат, для которого проблемы населения – периферия, а центр – проблема иерархизации власти. Отсюда и те решения, и действия, которые со стороны выглядят достаточно спорными.

Ну, в самом деле, неужели власть всерьез опасалась, что экс-премьер М.К. чудесным образом обернется третьим президентом Российской Федерации, составив реальную конкуренцию тому, кто на самом деле должен был стать им? Да нет, конечно, но административный (ку)раж заставил исключить его, пусть и по вполне формальным, определенным в правовом поле признакам из списка возможных кандидатов. Нет, чтобы определить, к чему же реально готово общество, и сделать борьбу за президентский пост действительно борьбой. Ну, скажем, между кандидатами, одного из которых условно назовем Д.М., а другого – С.И. Но нет, власти, замешанной на административном ресурсе, этого не нужно. На смену понятию «борьба» в России пришло понятие «стабильность», хотя, как свидетельствует опыт экономически развитых стран, парламентские и президентские выборы в них отнюдь не нарушают стабильности общества, объективных тенденций его социально-экономического развития.

В той схеме управления, которая создавалась в России в течение первого десятилетия XXI в., яркие чиновники-личности оказались маловостребованными и были заменены чиновниками-функциями. Один из примеров: комментируя возможный уход из Министерства экономического развития и торговли России директора департамента социально-экономических реформ С.Б., руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Е.Ш. Гонтмахер справедливо заметил, что этот руководитель «достаточно профессионален, но он пришел в МЭРТ в 2004 г., когда реформаторский пыл остыл» [Шарипова, Николаева, Бутрин 2006]. Власть для многих стала своеобразным наркотиком, когда можно порулить (финансовыми потоками), построить (подчиненных), разработать (безальтернативные программы развития подведомственной сферы). Чтобы мое утверждение не показалось голословным, рекомендую читателям посмотреть, например, ма-

териалы, размещенные на официальном сайте Министерства культуры и массовых коммуникаций России...

Конечно, не всегда и не везде так. Существуют и вполне компетентные управленцы, и грамотные модели развития различных видов экономической деятельности. Но вот что характерно: именно худшие сигналы сверху наиболее успешно ретранслируются вниз, и та же модель воспроизводится в ряде случаев на уровне хозяйствующих субъектов. Приведу лишь один, но распространенный пример: даже при получении «белой» зарплаты работник, как правило, лишен возможности самостоятельно выбирать финансово-кредитное учреждение, куда он мог бы перечислять ее. Такой выбор осуществляет работодатель, точнее, финансовые службы последнего.

Однако в избранной ею же самой модели власть оказалась не в состоянии контролировать всплески активности отдельных, наиболее рьяных своих сторонников. После парламентских выборов 2 декабря 2007 г., когда, как бы наверняка выразился М.Е. Салтыков-Щедрин, «было предписано радоваться», в центре Москвы были организованы митинги сторонников победивших. Конечно, каждый имел право радоваться по этому поводу, но формы публичной радости были уж очень странными. Уже дословно цитируя другого классика политической сатиры, А.А. Галича, «раздавались выкрики и выпады». Но вот «многогочия ставились» отнюдь не «искусно». Погубили Россию Б.Е. и Е.Г., так что давайте их чучела отправим на небо, а вот потом пришел настоящий спаситель. Я не видел митингов конца 1930-х годов по поводу судов над так называемыми «врагами народа», но, наверное, было похоже... Тем не менее эту карту быстро задвинули назад в колоду: слишком пугающим оказался оскал «злых внуков перестройки» (Т. Шаов), не знающих всей трагичности, но и надежд первых лет экономических реформ, того многоошибочного, но, на мой взгляд, магистрально правильного пути, по которому пошла Россия. В январе – феврале 2008 г. в СМИ страны стали возвращаться вменяемые по своим экспертно-аналитическим способностям лица, рассказывавшие, почему нельзя просто выдать из Стабилизационного фонда по 100 тыс. рублей каждому гражданину страны. При этом, однако, удручает, что разнообразные джины из бутылки выпускаются не самим российским обществом, как это было, например, в конце 1980 – начале 1990-х годов, а властью, которая живет от общества как бы независимо. Захотели – открыли либеральные закрома, захотели – неосоциалистические, захотели – воспользовались молодежными ресурсами.

Наркопотребление: от роста к стабильности.

Альтернативные средства

Нынешняя гламурная страна с возрождением ее мессианского вектора как одного из главных не имеет с Россией, строить которую реформаторам в 1990-е годы фактически пришлось с социально-экономического нуля, ничего общего. Иной экономический потенциал, иные золотовалютные резервы. Худо-бедно, но иные доходы населения. И иной стиль жизни, в котором, к сожалению, субкультура наркопотребления нашла свое специфическое место. Не будучи компетентным,

в своей статье я не смогу описать особенности этой субкультуры. Тем не менее как аналитик я, наверное, смогу показать, насколько значима проблема наркопотребления для современной России.

Опираясь на открытую статистику и заранее принеся извинения возможному читателю за сравнительно подробные, но неизбежные статистические выкладки, я бы начал с динамических рядов. Росстат ежегодно публикует данные, во-первых, о численности взятых под наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом «наркомания» и, во-вторых, о численности больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом «наркомания». Оба показателя представлены в абсолютном и относительном (в расчете на 100 тыс. жителей) выражении. И если ориентироваться только на эти показатели, то можно сделать вывод, что именно в 1990-е годы в стране произошла своего рода гуманитарная катастрофа, поскольку потребление наркотиков увеличилось более чем на порядок.

Об этом говорят следующие факты. Если в 1990 г. в той, еще Советской, России диагноз «наркомания» был поставлен всего 4,6 тыс. человек, то в 1996 г. — уже 30,4 тыс. человек, а в 2000 г. — 73,3 тыс. человек. Однако в дальнейшем этот показатель начал быстро уменьшаться и в середине 2000-х годов не превышал 25 тыс. человек ежегодно. И это на фоне роста реальных денежных доходов населения. Какие обстоятельства повлияли на это сокращение? Анализ литературы свидетельствует, что к таким факторам эксперты относят продуктивную профилактическую работу центров медицинской помощи и реабилитации детей и подростков; снижение интереса к внутривенным наркотикам из-за страха инфекционных заболеваний; пропаганду здорового образа жизни в СМИ, общественными организациями, церковью, семьей и, наконец, ужесточение со стороны государства мер по предотвращению оборота и изъятию наркотических средств и, как следствие, уменьшение количества точек нелегальной продажи наркотиков и увеличение их стоимости.

Я бы добавил сюда также и формирование разнообразных потребительских рынков, что могло повлиять на снижение интереса к наркотикам со стороны лиц, пробовавших их от одного до нескольких раз, но не ставших наркоманами, переключивших свой платежеспособный спрос на другие товары и услуги. Возможностей альтернативного наркотикам потребления у тех граждан, которые стали наркоманами в 1990-е годы, было существенно меньше.

Однако замечу, что не все альтернативные товары и услуги «полезны одинаково». Известно, например, что часть лиц, попробовавших легкие наркотики, переключается на потребление того же пива. Возможно, если выбирать из двух зол, то последнее окажется меньшим, но все-таки злом. Продажа пива в России увеличилась с 408,2 млн декалитров в 1998 г. до 892,1 млн декалитров в 2005 г., т. е. почти в 2,2 раза. Для сравнения отмечу, что продажа водки и ликероводочных изделий за тот же период практически не изменилась, находясь на уровне 210–220 млн декалитров в год, а виноградных и плодовых вин увеличилась с 51,5 до 85 млн декалитров, или на 65%. Следствием формирования альтернативной субкультуре наркопотребления «пивной» субкультуры стало изменение соотношения между теми гражданами, которые были поставлены на диспансерный учет в связи с впервые в

жизни установленным диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы», и теми, которым впервые в жизни был поставлен диагноз «наркомания». Это изменение действительно носило принципиальный характер. Так, если в 1998 г. соотношение между вновь выявленными алкоголиками и наркоманами составило 3,1 : 1, а в 2000 г. — 2,6 : 1, то в 2002 г. — 8,1 : 1, в 2004 г. — 10,4 : 1 и в 2005 г. — 8,6 : 1. Эти цифры поневоле дают основание для возвращения к вопросу о том, что же для общества является меньшим злом — слабоалкогольные напитки или же так называемые «легкие» наркотики.

Кстати, на проигрыш вин на алкогольном рынке России и безоговорочную «победу» пива обратил внимание д. и. н. О.И. Шкаратан при обсуждении первой редакции этой статьи. И здесь я, наверное, опроверг бы самого себя страничной давности: страна у нас сейчас скорее псевдогламурная: с гламурностью сочетается потребление изысканных алкогольных напитков, а не чрезмерное увлечение пивом. Впрочем, на немецких бургерах мы тоже не тянем: усидчивость, трудолюбие и порядок — не в нашей крови.

Можно лишь радоваться, что таким альтернативным рынком не стал рынок токсических веществ. Масштабы токсикомании в стране несопоставимы с алкоголизмом и наркоманией: в 2005 г. на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом «токсикомания» состояли всего 14,5 тыс. человек, т. е. в 22,5 раза меньше числа больных наркоманией и в 150 раз меньше количества страдающих алкоголизмом и алкогольными психозами.

Поскольку наркомания является, наряду, например, с онкологией или системными патологиями, одним из тех заболеваний, которые с трудом поддаются лечению, общая численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, в стране постоянно увеличивается. В 1990 г. их было всего 28,3 тыс. человек, или 19,1 человека в расчете на 100 тыс. жителей России. К 2001 г. количество таких больных достигло 317,2 тыс. человек, или 219,4 человека в расчете на 100 тыс. жителей. Однако в дальнейшем при уменьшении абсолютного числа вновь выявленных наркоманов эти показатели в целом стабилизировались, составив в 2005 г. соответственно 328 тыс. человек, или 231,6 человека в расчете на 100 тыс. жителей.

Последствия незаконного оборота и потребления наркотиков: разнообразная Россия

За этими средними цифрами скрываются очень серьезные межрегиональные различия, которые было бы крайне интересно проанализировать. Для этого были рассмотрены следующие три группы показателей:

1) Абсолютные показатели, позволяющие выявить «вклад» регионов — субъектов Российской Федерации в проблему незаконного потребления наркотиков и обусловленных им негативных социальных последствий. Эти показатели значимы для федерального уровня управления, поскольку дают представление о территориальной локализации проблемы, что необходимо для разработки регионального распределения по территории страны средств федерального бюджета, выделенных на противодействие незаконному обороту и потреблению наркотиков.

2) Относительные показатели распространения наркомании в конкретных регионах субфедерального уровня, позволяющие делать выводы о наркотической «нагрузке» на население региона относительно других регионов того же уровня административно-территориальной таксономии. Такие показатели значимы для федерального и регионального уровней управления, поскольку дают возможность выявить территории страны, для которых проблема незаконного оборота и потребления наркотиков носит наиболее острый характер.

3) Динамические показатели, которые характеризуют направленность и темпы изменения ситуации, связанной с незаконным оборотом и потреблением наркотических и психотропных веществ в регионах. Данная группа показателей позволяет выявить «горячие точки», в которых резкое ухудшение ситуации в сфере незаконного оборота и потребления наркотиков требует принятия неотложных мер по ее стабилизации. Кроме того, эти показатели могут использоваться для оценки результативности государственной политики противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков.

Еще раз напомним, что в данной статье использованы абсолютно открытые, доступные любому исследователю данные, которые содержатся в официальных изданиях Росстата, в частности, в таких тематических сборниках, как «Социальное положение и уровень жизни населения России», а также «Здравоохранение в России».

Для оценки *абсолютных масштабов* распространения наркомании в разрезе субъектов Российской Федерации был использован содержащийся в этих изданиях показатель «число зарегистрированных больных наркологическими расстройствами».

При изучении статистических данных оказалось, что неравномерное распределение по регионам зарегистрированных больных наркологическими расстройствами также носит ярко выраженный характер. В первых 15 из 88 субъектов Российской Федерации, или 17% от их общего числа, в 2006 г. были сконцентрированы 59% от числа всех зарегистрированных больных наркологическими расстройствами, в том числе более 6% в каждом – в Краснодарском крае, Москве и Самарской области.

Конечно, можно предположить, что число зарегистрированных больных наркологическими расстройствами в ряде случаев определяется субъективными факторами, прежде всего, уровнем развития в регионе сети наркодиспансеров и специализированных медицинских учреждений, их оснащенностью медицинским оборудованием, квалифицированными кадрами специалистов-наркологов. Поэтому для повышения объективности анализа был использован еще один абсолютный показатель, который содержится в официальных публикациях Росстата – «преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков». Обработка и анализ данных за 2005 г. позволили сделать вывод о столь же высокой, но меньшей по сравнению с числом зарегистрированных больных наркологическими расстройствами территориальной концентрации данных преступлений. На первые 15 субъектов Российской Федерации в этот период пришлось 47% от общего числа всех преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в том числе более 4% в каждом – в Москве и Краснодарском крае.

Далее были сопоставлены между собой территориальные структуры распределения зарегистрированных больных наркологическими расстройствами, с одной стороны, и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, – с другой стороны. Для этого был рассчитан коэффициент корреляции рангов Спирмена между местами, занятыми всеми регионами по значению рассматриваемых показателей². Его значение оказалось равным 0,9055, что свидетельствует о высокой тесноте связи между числом наркологически зависимых и числом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Большое (малое) количество зарегистрированных больных наркологическими расстройствами в регионе сочетается, как правило, с большим (соответственно малым) количеством регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В 40 из 88 случаев, или 45,4% от их общего числа, места, занятые регионами по значениям данных показателей, отличались не более чем на 5.

При оценке ситуации с незаконным оборотом и потреблением наркотиков в числе абсолютных используется также показатель «число больных наркологическими расстройствами с впервые в жизни установленным диагнозом». Анализ этих данных также свидетельствует о высокой региональной концентрации таких больных, причем, как правило, регионы с наибольшим абсолютным числом зарегистрированных больных наркологическими расстройствами характеризуются также и наибольшим числом таких больных с впервые в жизни установленным диагнозом и наоборот. Среднее несовпадение мест регионов, которые были заняты ими по этим показателям, составило 8,7.

На основе рассмотренных абсолютных показателей может быть рассчитан еще один, а именно «доля вновь заболевших в общем числе больных наркологическими расстройствами», характеризующий, если можно так выразиться, относительную «молодость» наркомании в регионе. Понятно, что регион следует рассматривать как проблемный в том случае, если доля впервые заболевших в нем является высокой. Данный показатель свидетельствует о возникновении в регионе новых явлений в сфере незаконного оборота и потребления наркотиков, требующих отдельного исследования и разработки мер противодействия. С другой стороны, низкое значение доли является признаком стабильности ситуации, отсутствия в ней принципиально новых явлений и позволяет реализовывать обычные меры противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков. В определенной степени данный абсолютный показатель, который является по своей природе статическим, можно рассматривать также и как темповый показатель (т. е. показатель третьей группы), поскольку он косвенным образом характеризует интенсивность развития наркомании в регионе.

Отметим, что если установить порог проблемности на уровне 10% (в целом по стране эта доля в 2006 г. составила 7,8%), то превышающая это значение доля была зафиксирована в 25 регионах субфедерального уровня.

² Коэффициент ранговой корреляции Спирмена рассчитывается по формуле $r = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)}$, где $\sum d^2$ –

сумма квадратов разностей рангов, а n – число парных наблюдений. Значения коэффициента, равные 0,3 и менее, свидетельствуют о тесной связи; от 0,4 до 0,7 – об умеренной тесноте связи, а значения коэффициента 0,7 и более – о высокой тесноте связи.

Для оценки *относительной значимости* проблемы незаконного оборота и потребления наркотиков в регионах субфедерального уровня рассмотренные выше абсолютные показатели были пересчитаны в расчете на душу населения конкретных регионов. Относительные (удельные) показатели необходимы, поскольку абсолютный масштаб проблемы незаконного оборота и потребления наркотиков может сочетаться с ее относительной малозначимостью для региона и наоборот.

Расчеты показали, что относительная значимость проблемы наличия зарегистрированных больных, которые страдают наркологическими расстройствами, также носит ярко выраженный региональный характер. *Число зарегистрированных больных наркологическими расстройствами в расчете на 100 тыс. жителей* колебалось от 19,4 человека в Архангельской области до 670,1 человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра и 685,2 человека в Самарской области при среднем в Российской Федерации значении показателя 245,4 человека.

Что касается показателя *«число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в расчете на 1 тыс. жителей»*, то, как можно было предположить априори (учитывая высокую корреляцию между абсолютными значениями данных показателей), региональная характеристика ситуации во многом схожа с той, которая была получена при анализе относительного показателя зарегистрированных больных наркологическими расстройствами. При среднем его значении в Российской Федерации 1,23 человека в региональном разрезе оно колебалось от 0,41 в Кировской области до 3,13 в Магаданской области, 3,15 – в Еврейской автономной области и 3,18 – в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра.

Анализ свидетельствует, что регионы субфедерального уровня различаются также и по *особенностям и направленности изменения ситуации, связанной с незаконным оборотом и потреблением наркотиков*. Это в полной мере относится к рассмотренным выше абсолютным показателям числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами и числу преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (расчеты были проведены за период 2003–2006 гг.).

Так, по *изменению числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами* все регионы субфедерального уровня распались на две группы. В большей части из них – 54 из 88, или 61% от их общего числа, произошло увеличение этой величины, а в меньшей – 34, или 39%, – ее сокращение. При этом основной вклад как в прирост, так и в сокращение числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами внесли относительно ограниченное количество регионов. Так, 56% абсолютного прироста больных пришлось на 7 из 54 регионов, или на 13% последних, в том числе на Краснодарский край – более 17%. Аналогично 67% абсолютного сокращения числа больных наркологическими расстройствами пришлось на 7 из 34 регионов, или на 21% последних, в том числе на Свердловскую область – 12,4%, Приморский край – 11,9%, Томскую область – 11,6% и т. д.

Количество регионов, в которых за период реализации упомянутой программы произошло кардинальное *изменение числа зарегистрированных больных наркологическими заболеваниями*, относительно невелико, причем в большей мере такие резкие подвижки в период 2003–2006 гг. оказались характерными именно для «растущих» регионов. Лидером здесь оказалась Удмуртская Республика, в которой число таких

больных увеличилось почти в 2,5 раза, а «аутсайдером» — Пензенская область, где оно уменьшилось почти на 36%.

Для принятия управленческих решений важно также знать, в какой мере текущие тенденции в сфере незаконного потребления наркотиков в регионах зависят от того, что в социально-экономическом анализе принято называть «предшествующим развитием». Соответствующая оценка была проведена расчетом коэффициента корреляции рангов Спирмена между базовым (2003 г.) числом зарегистрированных больных наркологическими расстройствами и темпами их увеличения. Полученное значение (0,2874) дало основание для вывода, что абсолютные величины больных наркологическими расстройствами и темпы их изменения следует рассматривать как независимые показатели, каждый из которых имеет самостоятельное значение.

В отличие от изменения числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами, общая тенденция *изменения числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков*, носила прямо противоположный характер. Дело в том, что количество последних в 2002–2005 гг. в Российской Федерации уменьшилось на 7,6%, причем общестрановой тенденции соответствовали всего 34 региона субфедерального уровня, или 39% от их общего числа. В этих регионах общее число преступлений снизилось на 31076, причем 78% этого сокращения было обеспечено 9 из 34 регионов, в том числе 27,2% — Москвой, 13% — Санкт-Петербургом и т. д.

С другой стороны, в 53 регионах (60% от их общего числа) был зафиксирован рост числа таких преступлений (еще в одном регионе — Корякском автономном округе — количество преступлений не изменилось). Однако этот рост был относительно незначительным (всего 18323 преступления), что и позволило обеспечить положительную в целом тенденцию сокращения числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Сопоставление распределений регионов по темпам изменения числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами в 2003–2006 гг. и числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 2002–2005 гг. показало, что между ними существуют значительные различия (рис. 1). В основном они связаны с тем, что распределение регионов по изменению числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами носит нормальный характер (небольшое число регионов в группах, в которых рассматриваемый показатель сильно отклоняется от его среднего значения, наибольшее число регионов в группах, в которых показатель незначительно отличается от его среднего значения). Полиномиальная аппроксимация кривой фактического распределения дала вполне удовлетворительные результаты. Коэффициент достоверности аппроксимации R^2 , который показывает степень соответствия трендовой модели исходным данным, оказался равным 0,8441³.

³ Коэффициент достоверности аппроксимации обычно рассчитывается по формуле $R^2 = SS_{\text{пер}} / (SS_{\text{пер}} + SS_{\text{ост}})$, где $SS_{\text{пер}} = \sum (Y(X) - Y_{\text{ср}})^2$ — сумма квадратов отклонений уровней исходного ряда данных от его среднего значения; $SS_{\text{ост}}$ — сумма квадратов уровней остаточной компоненты. Его значение лежит в диапазоне от 0 до 1. Чем ближе R^2 к 1, тем точнее модель описывает имеющиеся данные.

Принципиально иной характер носит распределение регионов по количеству преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Оно описывается ломаной линией, имеющей абсолютный и локальный максимумы регионов со значениями показателя, достаточно сильно удаленными от среднестранового значения. Число регионов, в которых значение показателя оказалось близко к среднестрановому, напротив, практически соответствует абсолютному минимуму ломаной линии. Коэффициент же достоверности аппроксимации в данном случае оказался равным всего 0,1408.

Описанные отличия в распределениях являются подтверждением гипотезы о том, что данные медицинской статистики носят гораздо более объективный характер по сравнению с данными статистики числа преступлений. Последние находятся под влиянием значительно большего количества субъективных факторов, описание которых, однако, выходит за пределы настоящей работы.

Рис. 1. Распределение регионов по изменению числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами и числу преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков

Далее была рассчитана интегральная оценка ситуации в сфере распространения и потребления наркотиков в регионах субфедерального уровня в целях определения их приоритетности для проведения государственной антинаркотической политики.

Для этого были составлены таблицы распределения регионов – субъектов Российской Федерации по местам, которые они заняли по следующим частным показателям:

- 1) число зарегистрированных больных наркологическими расстройствами в 2006 г., человек;
- 2) число больных наркологическими расстройствами с впервые в жизни установленным диагнозом, 2006 г., человек;
- 3) число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 2005 г., ед.;
- 4) удельное число зарегистрированных больных наркологическими расстройствами, 2006 г., человек/100 тыс. жителей;
- 5) удельное число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 2005 г., ед./1 тыс. жителей;
- 6) изменение числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами, 2003–2006 гг., относительный показатель;
- 7) изменение числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 2002–2005 гг., относительный показатель.

Были определены места, которые были заняты регионами по указанным показателям, причем места, занятые по показателям 1–5, были скорректированы на поправочные коэффициенты, учитывающие «вклад» региона в незаконные оборот и потребление наркотиков в Российской Федерации. Индивидуальные поправочные коэффициенты по абсолютным показателям были рассчитаны по формуле:

$$a_{ij} = n_{ij} / N_j, \quad (1)$$

где a_{ij} – поправочный коэффициент места i -го региона, занятого по j -му показателю;

n_{ij} – значение в i -м регионе занятого j -го показателя;

N_j – максимальное значение показателя j -го показателя в совокупности регионов;

i – индекс региона ($i = 1, 2, \dots, 87, 88$);

j – индекс показателя ($j = 1, 2, 3, 4, 5$).

Для получения нормализованного места региона его фактическое место по конкретному показателю делится на рассчитанный поправочный коэффициент.

В случае с динамическими показателями 6 и 7 необходимо было элиминировать воздействие на итоговые результаты высоких (низких) темпов изменения ситуации в регионах, где абсолютные масштабы соответствующих явлений (числа зарегистрированных больных наркологическими расстройствами и числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков) относительно невелики. В данном случае был использован иной подход, предусматривавший нормализацию величины изменения указанных показателей на абсолютные масштабы явления. Формула для расчетов следующая:

$$b_{ij} = t_{ij} / a_{ij}, \quad (2)$$

где b_{ij} – нормализованная величина изменения в i -м регионе j -го показателя;

t_{ij} – исходная величина изменения в i -м регионе j -го показателя;

j – индекс показателя ($j = 6, 7$).

На основании значения нормализованных величин значений показателей производится ранжирование регионов, причем поправочные коэффициенты, в отличие от статических показателей, не использовались.

Ввиду различия подходов к расчету нормализованных мест регионов по статическим и динамическим показателям значения последних оказались различными. В связи с этим в дальнейшем они обрабатывались отдельно.

Для определения интегрального места региона по статическим показателям была рассчитана сумма нормализованных мест, занятых ими по указанным выше показателям 1–5. Регион с наименьшей суммой нормализованных мест был поставлен на 1-е место. Далее места определялись с учетом отношения суммы нормализованных мест регионов к сумме нормализованных мест региона, поставленного на 1-е место. Для определения интегрального места региона по динамическим показателям была применена аналогичная процедура, т. е. рассчитана сумма нормализованных мест, занятых ими по указанным выше показателям 6 и 7.

На заключительной стадии была проведена оценка значимости для государственной политики противодействия незаконному распространению и потреблению наркотиков регионов субфедерального уровня с одновременным использованием статических и динамических показателей. Обычная процедура суммирования частных нормализованных интегральных мест, которые были заняты регионами по совокупности данных групп показателей, и их последующего нормирования привела к следующим результатам (табл. 1).

Таблица 1. Группировка регионов Российской Федерации по степени приоритетности для реализации мер, направленных на предотвращение незаконного оборота и потребления наркотиков

Характеристика группы регионов по уровню приоритетности	Число регионов и средняя количественная оценка приоритетности	Регионы (в скобках – количественная оценка приоритетности по общему интегральному нормализованному месту)
1	2	3
1. Регионы первой очереди (40 регионов; 7,012)		
1.1. Привилегированные	6 (1,521)	Краснодарский край (1,000), Самарская (1,345), Новосибирская (1,415) области, Красноярский край (1,655), Иркутская область (1,736), Приморский край (1,977)
1.2. Высокоприоритетные	12 (3,040)	Алтайский край (2,006), Ханты-Мансийский автономный округ (АО) – Югра (2,024), Свердловская (2,146), Кемеровская (2,152), Челябинская (2,811), Ростовская (2,914) области, Москва (2,934), Санкт-Петербург (3,482), Пермский край (3,486), Республика Татарстан (3,588), Омская область (4,421), Ставропольский край (4,516)

Продолжение табл. 1

Характеристика группы регионов по уровню приоритетности	Число регионов и средняя количественная оценка приоритетности	Регионы (в скобках – количественная оценка приоритетности по общему интегральному нормализованному месту)
1	2	3
1.3. Приоритетные	12 (7,444)	Московская область (5,046), Республика Башкортостан (5,566), Тюменская (6,429), Волгоградская (6,466), Оренбургская (6,471), Саратовская (7,261), Томская (8,199), Курганская (8,213), Нижегородская (8,406), Амурская (8,865), Воронежская (9,100) области, Хабаровский край (9,311)
1.4. Желательные	10 (14,556)	Астраханская (10,229), Ленинградская (11,384), Ульяновская (11,471) области, Республика Дагестан (12,401), Калининградская (15,668), Мурманская (16,312) области, Кабардино-Балкарская Республика (16,598), Смоленская область (16,813), Ямало-Ненецкий АО (16,959), Тверская область (17,719)
2. Регионы второй очереди (23 региона; 31,175)		
2.1. Целесообразные	11 (25,042)	Тульская область (20,148), Республика Коми (20,983), Пензенская область (21,150), Республики Удмуртская (22,084), Карачаево-Черкесская (23,245), Вологодская область (26,316), Республика Северная Осетия – Алания (27,243), Курская (27,593), Липецкая (28,253) области, Республика Адыгея (28,577), Брянская область (29,869)
2.2. Возможные	12 (36,798)	Читинская (30,218), Сахалинская (30,825), Новгородская (30,829), Ивановская (32,240) области, Республика Хакасия (33,728), Белгородская (35,646), Ярославская (38,364), Рязанская (40,252) области, Республика Тыва (40,449), Калужская (40,608), Владимирская (40,796) области, Республика Саха (Якутия) (47,618)
3. Регионы третьей очереди (13 регионов; 71,407)		
3.1. Включаемые при отсутствии бюджетных ограничений (подгруппа А)	7 (59,868)	Республика Марий Эл (53,529), Тамбовская область (54,266), Республики Бурятия (54,913), Чувашская (55,325); Костромская (61,732), Псковская (65,350) области, Республика Карелия (73,963)
3.2. Включаемые при отсутствии бюджетных ограничений (подгруппа Б)	6 (84,868)	Республика Мордовия (76,392), Кировская область (77,741), Республика Калмыкия (78,386), Орловская область (82,777), Республика Ингушетия (95,584), Магаданская область (98,329)

Окончание табл. 1

Характеристика группы регионов по уровню приоритетности	Число регионов и средняя количественная оценка приоритетности	Регионы (в скобках – количественная оценка приоритетности по общему интегральному нормализованному месту)
1	2	3
4. Регионы, не включаемые в программу (12 регионов; условно – 1155,09)		
4.1. Регионы мониторинга	5 (178,612)	Еврейская автономная (117,632), Камчатская (144,813) области, Республика Алтай (150,147), Архангельская область (216,716), Чеченская Республика (263,750),
4.2. Нейтральные	7 (1852,575)	Усть-Ордынский Бурятский (413,228), Таймырский (Долгано-Ненецкий) (675,796), Ненецкий (1566,886), Чукотский (2512,117), Агинский Бурятский (условно – 2600,000), Корякский (условно – 2600,000), Эвенкийский (условно – 2600,000) АО

Полученные ранжированные оценки значимости регионов для проведения в них государственной политики противодействия незаконному распространению и потреблению наркотиков при том, что они построены на данных официальной государственной статистики, не должны восприниматься как единственное основание для принятия соответствующих управленческих решений. Количественный анализ должен быть дополнен качественным изучением ситуации с незаконным оборотом и потреблением наркотиков в регионах в целях выявления конкретных причин ее возникновения и нежелательных тенденций изменения. Вместе с тем представляется, что разделение регионов на группы носит вполне объективный характер и безусловно влечет за собой то, что обычно принято называть «следствиями для политики» (“policy implications”).

С этим придется жить

Итак, установлено, что проблема незаконного оборота и потребления наркотиков в России действительно существует. Это подтверждается приведенными статистическими выкладками. Однако в настоящее время абсолютные показатели ее развития в стране, судя по официальным данным, стабилизировались, что может быть связано с определенной стабильностью в экономике и социальной сфере России, наступившей в середине 2000-х годов, с формированием разнообразных конкурирующих за денежный спрос населения рынков товаров и услуг. Кроме того, по-видимому, у части лиц младших возрастных групп произошло переключение спроса с легких наркотиков на слабоалкогольную продукцию, что косвенно подтверждается данными о динамике продаж в стране в 2000-х годах пива. Тем не менее за пределами официальной статистики остаются данные о коррупции, связанной с незаконным оборотом наркотиков, лицах, которые не обращаются за медицинской помощью в наркодиспансеры.

Россия и в предметном поле незаконного оборота и потребления наркотиков, как и во многих других предметных полях социально-экономической жизни, не имеет некоторого «типового» лица. Значимость незаконного спроса и предложения наркотиков на нелегальном рынке различна для разных регионов. Из приведенной выше таблицы (см. табл. 1) становится очевидным, что, если принять во внимание всю совокупность предложенных статистических показателей, по-настоящему острая ситуация сложилась не более чем в 20 регионах субфедерального уровня. Именно они требуют принятия неотложных мер, разработки специальных регионально адаптированных программ, и именно на них должны быть сосредоточены усилия государства, проводящего политику противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков. В противном случае эффекты использования части бюджетных средств, которые выделяются на финансирование соответствующих мероприятий, могут оказаться нулевыми. Абсолютное большинство регионов нуждается не в проведении каких-либо специальных мер, а в нормальном функционировании наркологических диспансеров, осуществлении профилактических мероприятий, включая контрпропаганду субкультуры наркопотребления. В целом же ситуация носит относительно спокойный характер и вряд ли может быть охарактеризована как критическая для России.

Важно отметить, что государство не выпускает ситуацию в этой сфере из-под своего контроля. В настоящее время в стране действует Федеральная целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005–2009 гг.». Однако существенное повышение результативности государственной политики в этой области может быть достигнуто только при условии реализации принципиально новых подходов. Проблему необходимо рассматривать как комплексную. Это означает, что помимо мероприятий, направленных на предотвращение предложения наркотиков, их потребления и проч., следует учитывать и наличие межотраслевых проблем, связанных с так называемыми конкурирующими рынками, в частности, рынком пива и слабоалкогольных напитков. Беспристрастные статистические данные свидетельствуют, что широкое распространение в современной России «пивной» молодежной субкультуры имеет существенно худшие социальные последствия по сравнению с наркоманией, во всяком случае, по своей глубине и масштабам.

В завершение статьи я хотел бы однозначно определить свою позицию по отношению к проблеме наркомании в стране. Полагаю, что это – неубиваемая проблема и искоренить незаконный оборот и потребление наркотиков вряд ли когда-нибудь удастся. Как решить и иные неубиваемые проблемы России – коррупцию, поборы на дорогах... С этой проблемой нам предстоит жить и дальше. Но важно, на мой взгляд, признавая неизбежность сосуществования большей части общества и его меньшей части (незаконно употребляющих наркотики), создать своеобразную «наркотическую резервацию» не в территориальном смысле этого слова, конечно, а в смысле минимизации воздействия данного явления на социум в целом. Правовое поле, ограничения предложения наркотиков и спроса на них, профилактика наркомании – естественный забор вокруг этой «резервации». Развитие альтернативных рынков товаров и услуг, характерных для общества потребления, справед-

ливо не любимого многими – тем не менее не самый плохой способ снижения спроса на наркотики со стороны уже попробовавших, но еще не втянувшихся.

Литература

Актуальные проблемы наркоситуации в молодежной среде: состояние, тенденции, профилактика. М.: Центр социологических исследований Министерства образования и науки Российской Федерации, 2005.

Батенева Т. Народу хотели перекрыть корвалол? // Известия. 2008. 22 января.

Шарипова А., Николаева Д., Бутрин Д. Минэкономразвития испытывают центробежными ускорениями // Коммерсантъ. 2006. 4 февраля. № 16 (3833).